УДК 81’373:398. 21=112. 2

DOI: 10. 21779/2542-0313-2025-40-2-101–113

Е. Н. Ваганова

Фразеологизмы в немецкой сказочной картине мира (на примере сказок братьев Гримм)

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева; Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, 68; waganowa@mail.ru

Аннотация. В статье содержится анализ фразеологических единиц, которые конституируют лингвокультурное пространство немецкой сказки «Бременские музыканты» братьев Гримм, дается культурологический комментарий, исследуются лингвокультурологические и этимологические особенности их возникновения, прослеживается их взаимосвязь с историей, социально-культурным опытом, образом жизни и бытом немецкого народа Большой интерес представляют фразеологические единицы в лингвокультурологическом аспекте с точки зрения их функционирования в сказочном дискурсе, в котором метафоричны образы и сам язык сказки, их роли в нарративной структуре сказочного дискурса. Фразеологические единицы усиливают выразительность нарративного пространства, создавая особый, многогранный сказочный мир.

Научная новизна работы состоит в методологии изучения фразеологических единиц. С одной стороны, они рассматриваются в той форме, в какой они встречаются в сказке. С другой, они сравниваются по лексическому и количественному составу, по форме компонентов, зафиксированных в нормативных словарях. Основные методы исследования – описательный метод, метод контекстуального анализа, этимолого-культурологический метод. Иллюстративным материалом послужила выборка фразеологических единиц из текста сказки «Бременские музыканты» Якоба и Вильгельма Гримм. В статье затрагивается также проблема исторического процесса зарождения сказки как одного из жанров фольклора.

Ключевые слова: сказка, сказочная картина мира, сказочный дискурс, лингвокультурология, фразеологизм, братья Гримм, немецкий язык.

Введение

Устное народное творчество в виде сказок и песен, былин и легенд, пословиц и поговорок, загадок и примет, заговоров и древних преданий – цененнейший пласт культуры. Якоб Гримм (1785–1863) и Вильгельм Гримм (1786–1859), признавая высокую историко-культурную, эстетическую и духовную ценность народной сказки, их живой и меткий язык, внесли огромный вклад в сохранение национального богатства, посвятив свою деятельность исследованию устного народного творчества. Они являются авторами первого «Словаря немецкого языка». 1-й том словаря вышел в свет в 1854 г., а последний в 1961 г. после кропотливой работы нескольких поколений германистов. Братья Гримм вошли в историю как собиратели сказок, им удалось сохранить своеобразие народного сказа, образность и меткость народной речи, воодушевить других любителей фольклора к собиранию фольклорного материала.

В статье рассматривается сказочная картина мира, которая отражает отдельный фрагмент фольклорной модели мира [30, с. 65]. В сказочном мире царит гармония, оживает природа, иллюстрируются качества и модели поведения, наиболее значимые для всех членов сообщества. Е. М. Мелетинский считает, что истоками сказки является миф, и сказочная семантика может быть истолкована из самого мифа [14, с. 232]. Сказ-

ка продолжает особую традицию описания мира – архаичную мифологию [11, с. 167]. В. П. Аникин подчеркивает, что архаичная по своей природе сказка находилась в зависимости от древних мифов и магии [3, с. 100]. Точку зрения Е. М. Мелетинского разделяют многие отечественные исследователи, считая, что «сказка генерируется из мифа, языка и формы жизни народа, развивается во времени, содержа пласты фантастического, чудесного» [8, с. 7]. Динамическая природа фольклорной сказки как жанра подчеркивается и другими учеными [24, с. 221; 27, с. 18].

Национальные или родовые архетипы – это та почва, на которой формируются мировоззрение, образ мысли, представления о норме поведения. В сказках, в отличие от более развернутых литературных форм (мифов, легенд и былин), архетипический материал подается в концентрированном виде [23, с. 13; с. 34]. По мнению О. А. Плаховой, базисом сказочного дискурса выступает система архаических представлений о законах развития и взаимодействия макро- и микрокосма [21, с. 247]. Сказочный дискурс репрезентирует культурные доминанты, базовые ценности и важные ориентиры представителей конкретного лингвокультурного сообщества. Многовековое существование немецкой лингвокультурной общности способствовало накоплению огромного количества веселых и грустных, добрых и злых волшебных и бытовых сказок. Идея классификации сказок на сказки с чудесным содержанием, сказки бытовые и сказки о животных принадлежит известному русскому учёному, фольклористу, этнографу, языковеду и археологу В. Ф. Миллеру [22, с. 11]. Наше внимание сфокусировано на немецких сказках о животных, которые считаются наиболее древними [3].

В отечественной традиции сказочный дискурс изучается на обширном языковом материале [1; 2; 5; 6; 13; 20; 25]. К проблемам исследования сказочного дискурса с позиций лингвистики, риторики, лингвокультурологии, этнолингвистики, семиотики, литературоведения в рамках лингвориторической парадигмы обращались И. С. Соборная, А. А. Ворожбитова [26]. Их внимание привлекают волшебные сказки русского, польского и немецкого народов. М. В. Непомнящая, Ж. А. Сержанова фокусируют свое внимание на стилистической стороне немецких сказок и их влиянии на воспитание детей [18]. З. Е. Фомина изучает этнокультурную специфику номинаций сказок братьев Гримм, на основе семантико-когнитивного анализа наименований сказок выявляет и обосновывает базовые максимы немецкой национально маркированной системы ценностей [28]. К. З. Островская исследует категорию «сакральное» на материале русских, английских и немецких народных волшебных сказок [19]. Л. Блюм и М. Нуеши изучают богатство идейного содержания, художественную выразительность и познавательно-дидактическую сущность сказочного дискурса [32; 40]. Т. Кирякова-Динева и Л. Козан рассматривают фразеологические единицы в сказках братьев Гримм с точки зрения перевода, сохранения их смыслового, эмоционально-экспрессивного и функционально-стилистического содержания [34; 38]. Наше внимание к функционированию фразеологических единиц в сказочном дискурсе обусловлено прежде всего тем, что они являются знаками «языка» культуры, трансляторами этнокультурных смыслов, наиболее выразительными и экспрессивными средствами создания образов сказочных персонажей.

Результаты исследования

Сказка является сложным объектом исследования в силу многоплановости жанровой организации, познавательно-дидактической сущности, иносказательного стиля, структурных особенностей и образно-поэтической системы. Сказочный дискурс отличается развитой системой выразительных средств, восходящих к фольклорной тради-

ции. Сказки способствуют воплощению творческого замысла этноса, актуализации его нравственно-этических и эстетических ориентаций, традиций и культуры.

Для нашего исследования представляет большой интерес изучение фразеологических единиц с точки зрения их функционирования в сказочном дискурсе, являющемся фрагментом языковой картины мира. В основе сказочной сюжетной линии лежит образное переосмысление действительности [10, с. 105]. При исследовании функционирования фразеологизмов в сказочном дискурсе необходимо учитывать полноценное восприятие коннотативной информации, передаваемой фразеологическими единицами. Помимо дешифровки семантического содержания единицы следует принимать во внимание экспрессивно-оценочную коннотацию, поскольку фразеологические единицы отличаются эмоциональной окрашенностью и потенциальной оценочностью [4, с. 153]. Такой анализ предполагает привлечение культурно-исторической информации, мотивирующей ее возникновение.

Иллюстративным материалом для нашего исследования послужила выборка 15 фразеологических единиц из текста сказки «Die Bremer Stadtmusikanten» Якоба и Вильгельма Гримм. Своеобразие фразеологических единиц устанавливается путем их сопоставления с фразеологизмами литературного языка, зафиксированными в словарях общего типа и специальных фразеологических словарях современного немецкого литературного языка. Обращается внимание на то, встречаются ли в исследуемом сказочном дискурсе национально-культурные фразеологизмы.

«Бременские музыканты» считается одной из самых известных и любимых в мире сказок братьев Гримм. Она была опубликована 3 июля 1819 г. во втором издании собрания «Детских и семейных сказок». Обратимся к сюжету немецкой сказки. Основными героями произведения выступают животные – осел, собака, кошка и петух. Они предвидят неминуемую гибель, поскольку состарились, утратили физическую силу, перестали в должной мере помогать по хозяйству. Поэтому они сбегают от хозяев, объединяются и решают отправиться в Бремен, чтобы попробовать себя в роли уличных музыкантов. На пути в город они делают привал в лесу, обнаруживают в лесной глуши разбойничью хижину, изгоняют разбойников благодаря своей смекалке. Веселые и смелые музыканты строят пирамиду, забираясь друг на друга, демонстрируют свое исполнительское мастерство у окна дома лесных разбойников и тотчас прогоняют злодеев. Те в жутком страхе убегают, испугавшись внезапно появившегося грозного привидения. Животные отказываются от первоначального плана стать городскими музыкантами и проводят остаток своей жизни на свободе в хижине лесных разбойников.

Мораль сказки заключается в том, что благодаря доверию, решимости и сотрудничеству можно преодолеть трудные жизненные ситуации. Друзья поддерживают друг друга и помогают в достижении единой цели, т. к. у каждого из животных в одиночку было мало шансов выжить. «Отверженные» восстанавливают свои права, успешно самоутверждаются, когда все в едином порыве встают на свою защиту.

В тексте сказки «Die Bremer Stadtmusikanten», несмотря на ее небольшой объем (3,5 страниц), было выявлено значительное количество фразеологизмов, которые в сказочном дискурсе выступают одним из важных средств выразительности, оценочности и образности.

Одним из распространенных фразеологизмов в сказочном дискурсе является *sich auf den Weg machen – aufbrechen* [37, с. 788]; «отправиться в путь/дорогу» [16, с. 612]. Контекст, в котором употребляется данный фразеологизм, является фрагментом речи нарратора: Da dachte der Herr daran, ihn aus dem Futter zu schaffen, aber der Esel merkte, dass kein guter Wind wehte, lief fort und **machte sich auf den Weg** nach Bremen; dort,

meinte er, könnte er ja Stadtmusikant werden [9, S. 55]. В приведенном предложении есть еще две идиомы: *ihn aus dem Futter (zu) schaffen, kein guter Wind wehte*, которые в данном микроконтексте используются в модифицированном виде. Осел в сказке определяет неблагоприятную домашнюю атмосферу по дуновению ветра – *kein guter Wind wehte*, герой немецкой сказки вглядывается в свое окружение, чувствует, что неминуемо погибнет, поэтому принимает решение сбежать. Это немецкое выражение не встречается в словарях, но есть другие фразеологизмы, актуализирующие данное природное явление: *Wind wissen – разг.* «быть в курсе чего-л.»; *wissen, woher der Wind weht – Bescheid wissen* [42]; «чуять, откуда ветер дует; понимать, в чём дело»; *Wind von etw. bekommen/kriegen/haben – etwas erfahren/vernehmen/hören/mitbekommen* [42] «пронюхать, проведать о чем-л.» [17, с. 726]. Это относится и ко второй идиоме с компонентом *Futter*, она не представлена в словарях, но в них присутствует фразеологизм *gut im Futter sein/stehen* «быть хорошо откормленным» [37, с. 229]. Частая встречаемость фразеологизмов в рассматриваемом сказочном дискурсе в качестве знаков косвенной номинации имеет целью оценочную характеристику персонажа.

Осел в немецкой сказке, с одной стороны, выступает в роли беззаветно преданного трудолюбивого животного – *schon lange Jahre die Säcke unverdrossen zur Mühle getragen hatte*, с другой – в роли мудрого и оптимистичного домашнего животного, отличающегося остротой ума. Он не дожидается, когда ему будет совсем плохо, он уверен в своих силах, понимает, что ситуация не безнадежна, принимает решение отправиться в путешествие на поиски лучшей доли. Если лексема *осел* в разговорной речи чаще всего используется как бранное слово, т. к. еще в древние времена животное изображалось медленным, символизировало безумие и упрямство, то в сказке братьев Гримм осел выступает в роли персонажа, не обделенного интеллектом и лидерскими качествами, он объединяет вокруг себя других домашних животных.

В сказке встречаются фразеологизмы, актуализирующие различные аспекты интенсивности действий, связанные с поведением персонажей: *vor etw. Reißaus nehmen [aus Angst] schnell davon laufen* [37, с. 582]; *flüchten* [42] *«пуститься наутёк, удрать»* [17, с. 529]. Это можно наблюдать в прямой речи героев. Использование фразеологизмов позволяет наглядно представить ситуацию, передать эмоциональное состояние героя: “Ach,“ sagte der Hund, „weil ich alt bin und jeden Tag schwächer werde, auch auf der Jagd nicht mehr fort kann, hat mich mein Herr wollen totschlagen, da hab ich **Reißaus genommen**; aber womit soll ich nun **mein Brot verdienen**?“ – „Weißt du was?“ sprach der Esel, „ich gehe nach Bremen und werde dort Stadtmusikant, geh mit und lass dich auch bei der Musik annehmen. Ich spiele die Laute und du schlägst die Pauken.“ [9, с. 55]. Фразеологизмы *sein Brot verdienen, Reißaus nehmen* со значением «зарабатывать на пропитание» с тем же компонентным составом встречаются и в немецко-русском фразеологическом словаре [17, с. 123, 529], но в узуальной форме идиомы *[seine] Brötchen verdienen – seinen Lebensunterhalt verdienen* [37, с. 130; 41, с. 357]; *sich seine Brötchen verdienen – den Lebensunterhalt verdienen; sich selbst oder jmdn (z. B. die Familie) versorgen* [35] произошло преобразование лексемы *Brötchen* в *Brot*. В электронном словаре братьев Гримм приведенный фразеологизм не был обнаружен.

В сказочном дискурсе присутствуют диалоги, которые передают эмоциональные состояния и размышления главных героев, создавая эффект присутствия живых голосов персонажей, например, между ослом и охотничьей собакой. Чувствуя опасность, собака удирает от хозяина. Диалогу предшествует высказывание, принадлежащее нарратору, в котором описывается физическое состояние собаки посредством фразеологического сравнения: Als er (Esel) ein Weilchen fortgegangen war, fand er einen Jagdhund auf

dem Wege liegen, **der jappte wie einer, der sich müde gelaufen hat** [9, с. 55]. Устойчивое сравнение служит для усиления глагола *jappen* – «с трудом переводить дыхание, жадно глотать воздух (ртом), хватать воздух (ртом)» [15]. Такой компаративный образ не был обнаружен во фразеологических словарях [16; 17; 42]. Охотничья собака лежит еле живая, задыхаясь, с трудом переводя дыхание. Ср.: *außer Atem sein / geraten – körperlich überanstrengt / erschöpft sein; hecheln; japsen* [42]; *außer Atem kommen – задыхаться, запыхаться* [17, с. 49]. Решение о побеге было принято скоропалительно, второпях.

В сказке в речи рассказчика встречается еще один фразеологизм, который благодаря переносному значению, основанному на образном сравнении, наглядно актуализирует эмоцию печали: *j-d macht ein Gesicht wie drei Tage Regenwetter* – «кто-либо мрачнеет, становится чернее (или мрачнее) тучи» [16, с. 456].

Осел и собака повстречали на своем пути угрюмую кошку. У нее такой грустный вид, как будто уже три дня стоит дождливая погода: Es dauerte nicht lange, so saß da eine Katze an dem Weg und macht ein Gesicht **wie drei Tage Regenwetter** [9, с. 55]. В данном примере следует обратить внимание на элемент персонификации – животное наделяется человеческими свойствами, может испытывать такие же чувства, как и человек, так же страдать от боли. Лицо поэтически называют «зеркалом души», поэтому все то, что происходит с главной героиней – кошкой, отражается на ее морде, она не может утаить глубокую грусть, скрыть мрачные мысли, тревожные переживания.

Фразеологизмом *nach allen vier Winden* подчеркивается предупредительность одного из героев сказки – петуха, его осторожность. Он взлетает на вершину дерева в поисках самого безопасного места, укрывается в ветвях деревьев от возможной опасности и видит вдали мерцающий огонек, который стал спасением для всех животных: Ehe er einschlief, sah er sich noch einmal **nach allen vier Winden** um, da deuchte ihn, er sähe in der Ferne ein Fünkchen brennen, und rief seinen Gesellen zu, es müsste nicht gar weit ein Haus sein, denn es scheine ein Licht. [9, с. 56]. Идиомы *in alle [vier] Winde; nach allen vier Winden* – «во все стороны, на все четыре стороны» фиксируются в словарях [16, с. 625; 37, с. 807] и отмечены без формальной и семантической модификации в сказочном дискурсе.

Шутливое выражение *vor etw. Reißaus nehmen* – «удирать, пускаться наутёк, давать тягу» [16, с. 459] используется в разговорной речи. Оно известно с XVI в. и возникло в результате субстантивации формы императива *ausreißen* «удирать, убегать, задать стрекача» в составе фразеологизма: ср. форму императива «Reiß aus!» [42]. Приведем текстовый фрагмент „Ach," sagte der Hund, „weil ich alt bin und jeden Tag schwächer werde, auch auf der Jagd nicht mehr fort kann, hat mich mein Herr wollen totschlagen, da **hab ich Reißaus genommen**; aber womit soll ich nun mein Brot verdienen?"

Фразеологизм *sich (nicht) ins Bockshorn jagen lassen* относится к тематической группе фразеологизмов «чувств» и передает чувство страха, относящееся к базовым эмоциям. Приведем фрагмент сказки, в котором передаются чувства, мысли, переживания главного разбойника: Als Mitternacht vorbei war und die Räuber von weitem sahen, dass kein Licht mehr im Haus brannte, auch alles ruhig schien, sprach der Hauptmann: "Wir hätten uns doch **nicht** sollen **ins Bockshorn jagen lassen**", und hieß einen hingehen und das Haus untersuchen [9, с. 57].

Происхождение немецкого выражения *sich nicht ins Bockshorn jagen lassen – sich nicht einschüchtern lassen* [37, с. 120–121]; *jmdn. ins Bockshorn jagen – jmdn. einschüchtern, in die Enge treiben* [41, с. 341]; *sich ins Bockshorn jagen lassen* – «струсить, сдрейфить» [16, с. 96] остается до сих пор спорным. Предположительно словом *bockshorn* раньше называлась стойка для кастрации козлов, позднее на основе этого устройства

было изобретено орудие пыток [35]. Существует мнение, что прототип фразеологизма восходит к обычаю жечь огни (костры) на Пасху в Германии (ср. Bockshorn – название пасхального огня в Гарце). Следовательно, фразеологизм содержит угрозу сжечь кого-либо, загнать кого-то в огонь (костер). Впоследствии возникло переносное значение – «нагнать страху, запугать кого-либо различными угрозами» [31]. Значение фразеологизма часто мотивируется тем, что имя Бога раньше было табуированным, единица «из страха» не произносилась, а заменялась другими лексемами *Box/Botz/Potz*. Чтобы не разгневать Всевышнего, запрещалось произносить его имя. Так возникала магия слова, а табуированные слова заменялись новыми выражениями, что привело к возникновению рассматриваемого фразеологизма. Если кто-то на кого-то был зол, то свой гнев он выражал формулой “Box’Zorn“.

Известны и другие фразеологизмы с компонентом *Bockshorn* – 1) бараний рог; козлиный рог; 2) *бот*. пажитник, отсюда и *ins Bockshorn kriechen/treiben/stoßen/zwingen* «струсить, спрятаться в кусты» [17, с. 109; 31]. Словарь братьев Гримм приводит следующую интерпретацию “einen ins Bockshorn jagen, treiben, stoszen, zwingen“ – *für in die enge treiben, in furcht setzen, sich vor angst verstecken* [36]. Вероятно, что его первоначальное значение было забыто к тому времени, когда данная фраза была впервые задокументирована в немецком языке в XV в. в самых разных контекстах. Об этом свидетельствуют данные лексикографических источников [42].

Наиболее убедительным считается обращение к старинным правовым обычаям, локализованным в отдельной южной федеральной земле Германии. Некоторые источники указывают на связь между данным выражением и древним способом наказания [37, с. 120–121; 42]. В Баварии имел место обычай *Haberfeldtrieb* (*haber* = лат. *caper* = козел) – водить грешника в козьей шкуре по улице для вынесения народным судом сурового приговора, публичного обвинения. Униженный грешник должен был надеть козлиную шкуру в качестве символа греховной похоти. Например, нравственно падшую девушку деревенские подростки гнали вечером на Хаберфельд (*Haferfeld* – овсяное поле), а оттуда под бесчисленными ударами возвращали домой. Соблазнитель принимал в этом активное участие [42]. Появиться в таком виде (наряде) считалось позорящим честь наказанием. Известно древневерхненемецкое название этой козьей шкуры – *bokkes hamo*. Слово *hamo* (покрывало, рубашка) в результате народно-этимологического переосмысления приобрело другое значение, преобразовалось в *Horn* [42]. На это указывает Е. Н. Цветаева, раскрывая общность и различия русского и немецкого фразеологизмов с компонентом *Bockshorn* и «бараний рог». «После того как в свн. слово *ham(e)* «Hülle» престало быть понятным, оно получило в составе композита искаженную форму *horn* (K)» [29, с. 113].

Существует еще одна попытка объяснить идиому, опираясь на термины ботаники, хотя эта версия менее убедительна. Одним из лексико-семантических вариантов немецкого слова *bockshorn* является «пажитник». Данное однолетнее бобовое растение отряда клеверных отличается целебными свойствами, его плоды *Bockshornklee* обладают сильным ароматом, который послужил основанием для его уподобления резкому и неприятно издаваемому запаху козла. Однако запах пажитника не может быть настолько невыносимым, чтобы можно было бы представить себе, что кто-то оказался в неприятном положении, случайно загнан в местечко произрастания сильно пахнущего растения. Внешний вид стручков пажитника напоминает рога козы, и у немцев он так и называется – *gelber Bockshornklee, gelblicher Bockshornklee, griechisches Heu, das Fenugräk, der Ziegenklee*, что буквально означает “козьи рога”. Поэтому форма стручков и насыщенный запах могли послужить образно-ассоциативной мотивационной основой

для возникновения фразеологического образа. Тем не менее ни одна из существующих версий, связанных с этническими, историческими, культурными и социальными условиями происхождения фразеологизма, не может быть достоверно доказана и в полной мере претендовать на правомерность предлагаемого толкования.

Следующий фразеологизм *es geht jemandem / einer Sache an den Kragen – jmdn. ereilt sein Schicksal, jmd. geht zugrunde* «чье-л. дело плохо, кому-л. крышка» описывает психическое состояние героя сказки – кошки [16, с. 347; 37, с. 413]. По другим данным, *jemandem an den Kragen gehn* означает «принять решительные меры в отношении кого-либо, энергично взяться за кого-либо» [17, с. 370]. Приведем диалог, в котором слышится голос персонажа, как будто мы физически находимся рядом с ним: “Wer kann da lustig sein, wenn’s **einem an den Kragen geht**,“ antwortete die Katze, „weil ich nun zu Jahren komme, meine Zähne stumpf werden, und ich lieber hinter dem Ofen sitze und spinne, als nach Mäusen herumjagen, hat mich meine Frau ersäufen wollen; ich habe mich zwar noch fortgemacht, aber nun ist guter Rat teuer: wo soll ich hin?“ [9, с. 55–56]. Неотъемлемые признаки кошачьей старости – отсутствие острых зубов, снижение активности, изменение поведения. Кошка предпочитает сидеть за теплой печкой и мяукать – *hinter dem Ofen sitze und spinne* (ср. *spinnen=schnurren* «мурлыкать»). Изменение места и функции домашнего животного в семье побуждает владелицу утопить питомца.

Вплоть до Средних веков воротники на одежде отсутствовали. Только в XIII в. появляется узкая полоска в вырезе, которая постепенно превратилась в воротник-стойку [7]. До XVIII в. слово *воротник* употреблялось как синоним названия части тела – шеи, и лишь позднее происходит разграничение между элементом «одежды» для шеи (рубашечный воротник) и шеей. Все выражения, соотносимые с воротником, в которых эксплицируется грубое обращение, сопряжены с шеей, что служит угрозой жизни и здоровью, поскольку в памяти всплывают старинные наказания, связанные с повешением и обезглавливанием [7].

Выражение *jemandem in die Quere kommen*, имеющее значения 1. попадаться на глаза кому-л.; 2. попадаться на чьём-л. пути; выскочить наперерез; 3. становиться поперёк пути (или на пути) кого-л.; нарушать чьи-л. планы; помешать чьей-л. работе [16, с. 446; 37, с. 563], встречается в речи одного из главных героев – осла: “Nun, was ist dir in die Quere gekommen, alter Bartputzer?“ sprach der Esel [9, с. 55]. Данная идиома может употребляться и с другим глагольным компонентом – *j-m in die Quere arbeiten* в значении «ставить кому-л. палки в колёса» [17, с. 511]. При семантизации лексической единицы *quer* в составе ФЕ на помощь приходят данные словарей [36; 39, с. 574]. В средневерхненемецкий период (XIV в.) в результате второго передвижения согласных (*tw→qu*) лексема *twërh* переходит в *quërh,* далее в *quer*, производной величиной является глагол *twërn ‘drehen, umdrehen, rühren, mischen‘*. Лежащий в основе этих трансформаций корень *twer* расширяется за счет суффикса *-k-* и преобразуется в *twerk.* Лексемой *quer* обозначается то, что пересекает прямой путь или наклонно, по диагонали, под углом движется в направлении, противоположном правильному. Слово *quer* соотносится с лексемой *zwerch* (т. е. «косо, наискосок, наискось, поперёк»), следы которой сохранились в анатомических терминах *zwerchfell* «грудобрюшная преграда, диафрагма»; *überzwerch* «наискось, поперёк; поперёк волокна».

Немецкое выражение *aus Leibeskräften* со значением «что есть духу, во всю прыть, что есть мочи, что есть силы» образовано сочетанием предлога и композита *Leibeskräfte* (*der Leib* «тело, туловище» + *die Kraft* «сила») и актуализирует интенсивность совершаемого действия (что-то совершать с предельным напряжением): *aus Leibeskräften schreien* «кричать во всё горло, изо всех сил, очень громко». Приведем пример из

рассматриваемой сказки: Die Katze hielt das für gut und ging mit. Darauf kamen die drei Landesflüchtigen an einem Hof vorbei, da sass auf dem Tor der Haushahn und schrie **aus Leibeskräften** [9, с. 56]. В речи нарратора описывается поведение петуха, который кричит что есть мочи, т. к. жизнь его висит на волоске: хозяйка решила приготовить из него суп – *den Kopf abschneiden lassen*.

Следующее выражение *(jmdm) durch Mark und Bein gehen* «пронять кого-л. до мозга костей» относится к группе фразеологизмов, которые в классификации Х. Бургера называются парными сочетаниями слов (*Zwillingsformeln/Paarformeln*), которые образуются из слов одной и той же части речи, связанных союзом *und* [33]. В словарях зафиксированы другие глагольные компоненты фразеологизма – *(jmdm) durch Mark und Bein dringen/fahren* [16, с. 389; 37, с. 477].

Фразеологизм *es geht (dringt) einem durch Mark und Bein* зафиксирован в словарях в значениях «пронизывает насквозь» (о боли); «за живое берет» (о резком неприятном звуке) [17, с. 426]; *durch und durch* [41, с. 1053]; *durchdringend / erschütternd / grell sein; emotional aufwühlend wirken* (Wörterbuch) – *mit einer gänzlichen innerlichen erschütterung des Körpers in folge einer seelischen Aufregung in Verbindung gebracht* [36]. В сказке встречается фразеологизм, в состав которого входят глагол *gehen*, формирующий основное семантическое содержание устойчивой единицы, и препозициональная парная конструкция *durch Mark und Bein*, образованная на базе фонетической и семантической близости разных соматизмов: “Du **schreist einem durch Mark und Bein**,“ sprach der Esel, „was hast du vor?“ [9, с. 56]. Слово *Mark* – «(костный) мозг» в антропоморфной модели вселенной [человек-микрокосм] символизирует центр Духа, соотносимый с понятием горящего и вздымающегося ввысь огня, с переплетающимися языками пламени [12, с. 316–317].

При интерпретации этого выражения следует исходить из того, что кости *Knochen* и костный мозг *Knochenmark* составляют основу скелета, его «сердцевину». Пронзительный петушиный крик высокой интенсивности, затрагивая глубинные пласты живого организма, действует как раздражающий фактор на мозг и костную систему. Сила громкого пения петуха настолько велика, что превосходит возможности восприятия, сигнализирует об опасности.

Следующее выражение *aus vollem Hals[e]* «что есть мочи, изо всей мочи, во всё горло» содержит лексему *Hals* [16, с. 250; 37, с. 294]. В состав идиомы вовлечена номинация внутреннего органа (горла). Есть и другие варианты данного фразеологизма с лексемами *Kehle, Lunge: sich den Hals ausschreien, sich die Kehle ausschreien / aus dem Hals schreien*, *aus voller Kehle, aus voller Lunge singen/schreien*, *sich die Lunge ausschreien / aus dem Hals / Leib schreien* [37, с. 294, с. 377–378, с. 465]. В тексте сказки употребляется фразеологизм *aus vollem Hals schreien* «кричать во всё горло». В состав фразеологизма входит глагольный компонент *schreien* «кричать, орать, голосить», используемый для характеристики поведения петуха, его душераздирающего, пронзительного крика о помощи. Семантическое содержание фразеологизма детерминируется прилагательным *voll*: Nun **schrei** ich **aus vollem Hals**, solang ich kann.” – „Ei was, du Rotkopf,“ sagte der Esel, „zieh lieber mit uns fort, wir gehen nach Bremen, etwas Besseres als den Tod findest du überall; du hast eine gute Stimme, und wenn wir zusammen musizieren, so muss es eine Art haben“ [9, с. 56]. Соматический фразеологизм акцентирует внимание на внутренней части горла, в которой локализованы голосовые связки. Птицы имеют гортань, но у них нет голосовых связок и надгортанника, поэтому они издают звуки нижней гортанью (сиринксом), расположенной глубоко в грудной клетке. Предположительно выражение *aus vollem Hals[e]* связано с охотничьим языком: во время охоты от загонщиков требо-

вались полная отдача и высокая скорость, на загонной охоте издавались различные резкие звуки.

Фразеологизм с пространственным значением *in die Höhe fahren* «вскочить (с места); вскакивать, взметнуться вверх, взлететь ввысь» встречается в следующем контексте: Die Räuber **fuhren** bei dem entsetzlichen Geschrei **in die Höhe**, meinten nicht anders, als ein Gespenst käme herein, und flohen in größter Furcht in den Wald hinaus [9, с. 57]. Причинами такой реакции могут служить самые разные обстоятельства: страх, испуг, неминуемая опасность, ответ на потенциальную угрозу. Вторжение животных в разбойничью хижину, каждый из которых на свой лад что-то исполнял, вызвало ужас у разбойников. Такой трюк позволил им выдворить разбойников из жилья. Разбойники, охваченные страхом от необычно поющего привидения, вскочили со своих мест, поднялся крик. Во фразеологических словарях данная идиома не была обнаружена, но есть другие фразеологические варианты типа *in die Höhe schießen* в значениях 1. «вспылить, вскипеть, взорваться», 2. «вскакивать» (с места); *in die Höhe gehen* в значении «вспылить, разъяриться» [16, с. 294; 37, с. 346]. Фразеологизм *in die Höhe fahren* «вскочить с места» зафиксирован и в другом словаре [17, с. 314].

Сильные позиции несут особую семантическую и прагматическую нагрузку в многомерном пространстве текста. Концовка – это рассказ о том, чем завершилась история, ее мораль. Следует обратить внимание на типичные фольклорные формулы и их дискурсивную значимость для сказки в целом – как с точки зрения архитектоники, так и ее внутренней композиции. Их традиционно клишированная форма непосредственно указывает на сказочный дискурс: *Und der das zuletzt erzählt hat,* ***dem ist der Mund noch warm*** – А кто сказку последний сказал, все это сам своими глазами видал (*досл. …* у того уста еще не успели охладеть, теплые). Приведенная формула в виде идиоматического выражения является своеобразным обращением к слушателю, переключением на реальность. Упоминание сказочника о самом себе выступает связующем звеном между пространством сказки и реальностью.

Заключение

Сказка выступает неотъемлемым элементом духовной культуры немцев, является результатом длительного развития религиозных и мифопоэтических воззрений носителей языка. Национальное своеобразие немецкой сказки «Die Bremer Stadtmusikanten» проявляется в её сюжете, образах героев, выборе языковых средств и символов, трактовке понятий справедливости и нравственности, добра и зла. Анализ функционирования фразеологизмов в немецком сказочном дискурсе позволяет проникнуть в глубины национальной языковой картины мира и раскрыть лингвокультурологический потенциал фразеологизмов, которые выступают в качестве культурных кодов нации. Материалом исследования стали 15 фразеологических единиц (идиомы, устойчивые сравнения, парные сочетания слов). Некоторые из них описывают чувства, психическое и физическое состояния героев, другие актуализируют интенсивность и направленность действия, третьи – реакцию на действие. Фразеологизмы характеризуют меру и степень обозначаемого действия или действия в целом, вносят дополнительные штрихи в характеристику персонажей сказки. Некоторые фразеологические единицы объективируют эмоциональное состояние героев. В тексте сказки выявлен фразеологизм *Dem ist der Mund noch war*, не кодифицированный в лексикографических источниках, хотя имеет высокую частотность употребления в сказочном дискурсе и выступает транслятором духа немецкого народа.

В результате исследования ФЕ в сказке были определены их изобразительно-выразительные функции, способствующие изображению животных в человеческом облике со своими страданиями, переживаниями, стремлениями и желаниями. Животные в рассматриваемой немецкой сказке олицетворяют ум и расчетливость, символизируют упорство, смекалку и изощренную ловкость, несут ответственность за выбор и принятие решения.

Проблема изучения фразеологии сказочного дискурса актуальна в плане изучения национальной фольклорной языковой картины мира, что говорит о перспективах исследования данного фразеологического материала в собственно лингвистическом, лингвокультурологическом и когнитивном аспектах.

Литература

1. Акименко, Н. А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. А. Акименко. – Волгоград, 2005. – 20 с.

2. Алещенко, Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора: на материале народной сказки: автореф. дис. ... докт. филол. н. / Е. И. Алещенко. – Волгоград, 2008. – 42 с.

3. Аникин, В. П. Теория фольклора: курс лекций / В. П. Аникин. – 3-е изд. – М.: КДУ, 2007. – 432 с.

4. Асабина, А. А. Роль прагматического потенциала фразеологических единиц в реализации когнитивных моделей ситуаций / А. А. Асабина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. – С. 152–159.

5. Ваганова, Е. Н. Эпические прозаические жанры. Сказки – ёфкст / Е. Н. Ваганова // Обряды и фольклор мордвы-мокши: теория и практика проблемы (по фольклорно-этнографическим материалам Зубово-Полянского района Республики Мордовия): монография. – Саранск, 2012. – С. 305–330.

6. Ваганова, Е. Н. Диминутивы и особенности их функционирования в немецком фольклоре (на примере австрийских народных сказок) / Е. Н. Ваганова // XLVII Огарёвские чтения: материалы науч. конф.: в 3 ч. – Саранск, 2019. Ч. 3. – С. 306–310.

7. Воротники [1987 Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. – Иллюстрированная энциклопедия моды]. – URL: http://fashion. artyx. ru/books/item/f00/s00/z0000000/st033. shtml (дата обращения: 01.02.2004).

8. Гагаев, А. А. Философия мордовской сказки. Мокшень ёвксть философияц. Эрзянь ёвксонть философиясь: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. / А. А. Гагаев, П. А. Гагаев, Н. В. Кудаева. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2016. – 160 с.

9. Гримм, Я. и В. Bremer Stadtmusikanten // Сказки – Die Kinder- und Hausmärchen. На нем. и русск. яз. / пер. с нем. Г. Петникова / Я. и В. Гримм. – М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. – С. 55–58.

10. Ковальчук, Л. П. Научная парадигма и структурная композиция сказочного дискурса / Л. П. Ковальчук // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 2 (293), вып. 74. – С. 104–109.

11. Коробкина, Н. И. Парное понятие «добро и зло» в немецком сказочном тексте (на примере сказок братьев Гримм) / Н. И. Коробкина // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы IV Межд. научно-практ. конф.: в 2 т. – Самара: Изд-во Сам. гос. соц.-пед. ун-т, 2009. Т. 2. – С. 166–170.

12. Маковский, М. М. Большой этимологический словарь современного немецкого языка / М. М. Маковский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 632 с.

13. Матвеичева, Т. В. Специфика языковой экспликации пространственно-временных координат в сказочной модели мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Матвеичева. – Ставрополь, 2011. – 22 с.

14. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Академический проект, 2012. – 331 с.

15. Немецко-русский словарь online. – URL: https://translate. academic. ru/jappen/de/ru/ (дата обращения: 01.02.2004).

16. Немецко-русский фразеологический словарь / сост. Л. Э. Бинович и Н. Н. Гришин; под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1975. – 656 с.

17. Немецко-русский фразеологический словарь: 15 000 фразеологических единиц / сост. Л. Э. Бинович; под ред. С. И. Константиновой. – М.: Аквариум, 1995. – 766 с.

18. Непомнящая, М. В. Стилистические особенности немецких сказок на примере произведений братьев Гримм / М. В. Непомнящая, Ж. А. Сержанова // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: сб. материалов XVIII Всероссийской студенческой научно-практич. конф. с межд. участием. – Красноярск, 2017. – С. 52–57.

19. Островская, К. З. Воплощение амбивалентности сакрального в дихотомичности концептуального поля сакральное (на материалах русских, английских и немецких народных волшебных сказок) / К. З. Островская // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 2. – С. 142–147.

20. Павлютенкова, И. В. Сказка философско-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук / И. В. Павлютенкова. – Ростов-на-Дону, 2003. – 23 с.

21. Плахова, О. А. К вопросу о взаимодействии дискурса и жанра (на примере сказочного дискурса) / О. А. Плахова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 3–2 (33–2). – С. 246–252.

22. Пропп, В. Я. Морфология сказки. – 2-е изд. / В. Я. Пропп. – М.: Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1969. – 168 с.

23. Сергеева, А. А. Дорога в Тридесятое царство: славянские архетипы в мифах и сказках / А. А. Сергеева. – М.: София, 2016. – 368 с.

24. Синяева, С. И. Сказочный дискурс как отражение многозначности феномена текста сказки / С. И. Синяева // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (40). – С. 221–233.

25. Смирнов, А. В. Языковая картина мира английской народной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Смирнов. – СПб., 2006. – 18 с.

26. Соборная, И. С. Этнокультурные особенности русских, польских и немецких сказок (лингвориторический аспект): монография / И. С. Соборная, А. А. Ворожбитова. – М.: Флинта, 2019. – 105 с.

27. Стратегии общей и частной теории текста: монография; в 2 ч. / под ред. И. Ю. Моисеевой и др. – Оренбург: ОГУ, 2016. Ч. 1. – 227 с.

28. Фомина, З. Е. Немецкие национально-культурные максимы в номинациях сказок братьев Гримм / З. Е. Фомина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2010. № 14. – С. 25–36.

29. Цветаева, Е. Н. Об этимоне компонентов «Bockshorn» и «бараний рог» в немецких и русских фразеологизмах / Е. Н. Цветаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 625. – С. 106–117.

30. Цивьян, Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) / Т. В. Цивьян // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. № 10. – Тарту: ТГУ. 1978. – С. 65–85.

31. Beiträge zur Volkskunde des Harzes. Von Prof. Ed. Damköhler in Blankenburg a. H. – URL: https://opendata. uni-halle. de/bitstream/1981185920/91619/1/mveh_volume_35_4181. pdf.

32. Bluhm, L. Sprichwörter und Redensarten bei den Brüdern Grimm / L. Bluhm // Sprichwörter und Redensarten im interkulturellen Vergleich. VS Verlag für Sozialwissenschaften. Sabban A., Wirrer J. (eds). – URL: https://doi. org/10. 1007/978-3-322-97010-7_12.

33. Burger, H. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen / H. Burger. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2007. – 240 S. – URL: https://docplayer. org/33059471-Phraseologie-eine-einfuehrung-am-beispiel-des-deutschen-erich-schmidt-verlag-von-harald-burger-3-neu-bearbeitete-auflage. html.

34. Cosan, L. Phraseologismen mit Herz in den Volksmärchen der Brüder Grimm und ihre Übersetzung ins Türkische anhand einiger Beispiele / L. Cosan // Sprachreport: Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. 2007. Heft 2. Jahrgang 23. – S. 2–8. – URL: https://openaccess. marmara. edu. tr/entities/publication/168caa86-5258-4c9a-aaa5-34f35dbd708e

35. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. – URL: https://www. dwds. de (дата обращения: 01.02.2004).

36. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. – URL: https://woerterbuchnetz. de/?sigle=DWB&lemid=B11555 (дата обращения: 01.02.2004).

37. Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. B. 11. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1992. – 864 S.

38. Kiryakova-Dineva, T. Phraseologismen aus der Märchenwelt der Brüder Grimm aus übersetzungswissenschaftlicher Perspektive / T. Kiryakova-Dineva // Aktuelle Tendenzen der Sprachwissenschaft. Ausgewählte Beiträge zu den GeSuS-Linguistiktage an der Metropolitan Universität (Prag, 26.–28. Mai 2011). Hrsg. Martin Lachout. – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2013. – S. 143–155. – URL: https://www. verlagdrkovac. de/978-3-8300-7103-7. htm. https://www. verlagdrkovac. de/978-3-8300-7103-7. htm.

39. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21, unv. Aufl. / F. Kluge. – Berlin; New York: De Gruyter, 1975. – 915 S.

40. Noueshi, M. Sprachliche Grundzüge der fiktionalen Prosaerzählung als Kulturerscheinung eines Volkes / M. Noueshi // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы 17-й Межд. научно-практич. конф. – Самара, 2022. – С. 122–135.

41. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch: Mit einem “Lexikon der dt. Sprachlehre“. Neu hrsg. von Dr. R. Wahrig-Burfeind in Zusammenarbeit mit zahlreichen Wissenschaftlern und anderen Fachleuten / G. Wahrig. – Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH, 1994. – 1824 c.

42. Wörterbuch und Portal für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter, Umgangssprache. Redensarten-Index. – URL: https://www. redensarten-index. de/suche. php (дата обращения: 01.02.2004).

Поступила в редакцию 25 сентября 2024 г.
Принята 18 октября 2024 г.

UDC 81’373:398.21=112.2

DOI: 10.21779/2542-0313-2025-40-2-101–113

E. N. Vaganova

Phraseological Units in the German Fairy-Tale Picture of the World (on the Example of the Brothers Grimm's Fairy Tales)

E. N. Vaganova

Ogarev Mordovia State University; Russia, 430005, Saransk, Bolshevistskaya st., 68; waganowa@mail.ru

Abstract. The article contains an analysis of phraseological units that constitute the linguacultural space of the German fairy tale "The Bremen Town Musicians" by the Brothers Grimm, provides a cultural commentary, examines the linguacultural and etymological features of their origin, traces their relationship with the history, socio-cultural experience, way of life and everyday life of the German people. Phraseological units are of great interest in the linguacultural aspect from the point of view of their functioning in the fairy-tale discourse, in which the images and the language of the fairy tale itself are metaphorical, as well as their role in the narrative structure of the fairy-tale discourse. Phraseological units enhance the expressiveness of the narrative space, creating a special, multifaceted fairy-tale world. The scientific novelty of the work lies in the methodology of studying phraseological units. On the one hand, they are considered in the form in which they occur in the fairy tale. On the other hand, they are compared by their lexical and quantitative composition, by the form of components recorded in standard dictionaries. The main research methods are the descriptive method, the contextual analysis method, and the etymological and cultural method. The illustrative material is a sample of phraseological units from the text of the fairy tale "The Bremen Town Musicians" by Jacob and Wilhelm Grimm. The article also touches upon the problem of the historical process of the origin of the fairy tale as one of the genres of folklore.

Keywords: fairy-tale, fairy-tale picture of the world, fairy-tale discourse, linguocultural studies, phraseological unit, Brothers Grimm, German language.

Received 25 September, 2024
Accepted 18 October, 2024